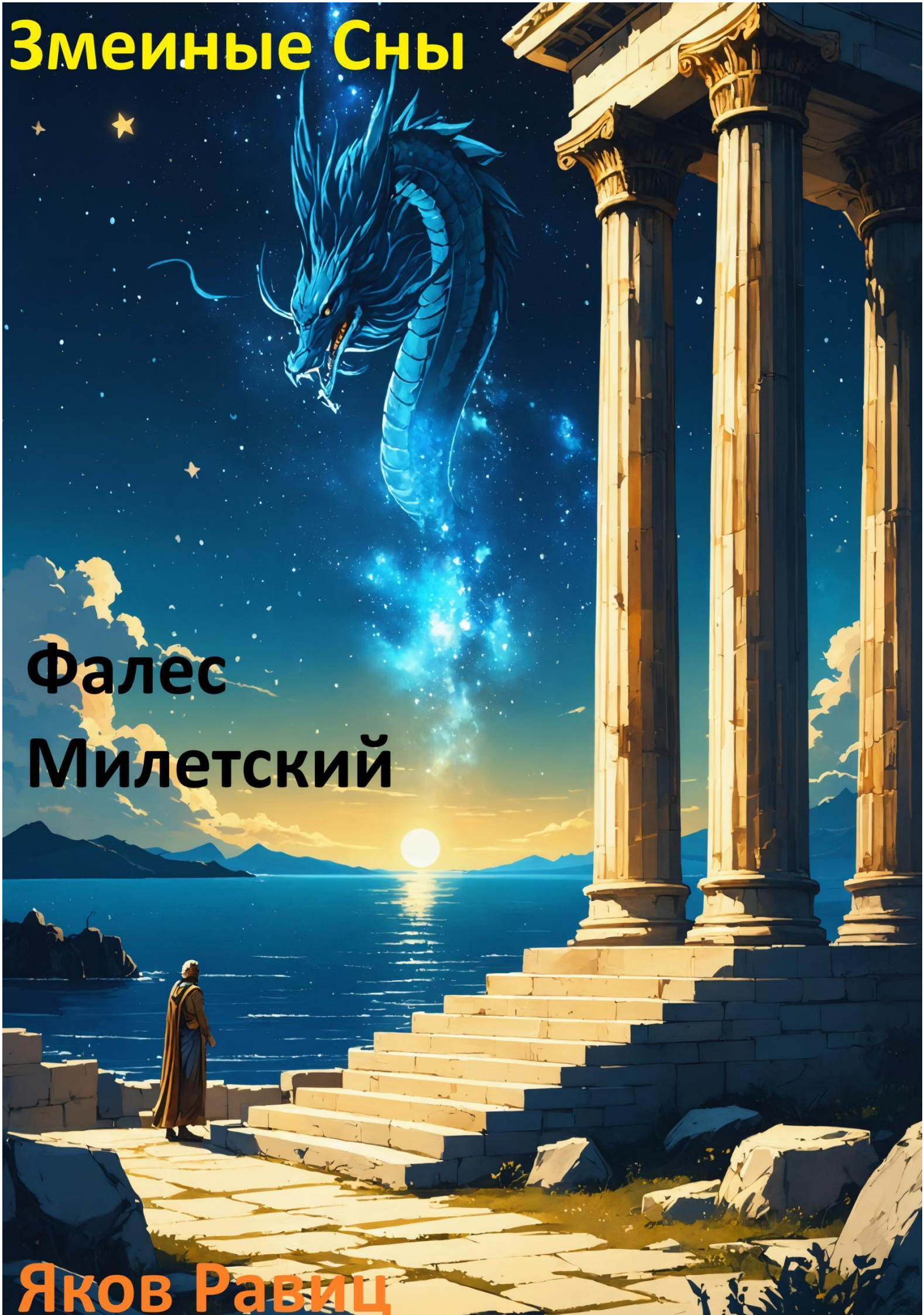
Змеиные Сны

Фалес Милетский

Яков Равиц

Змеиные Сны

Яков Равиц

Змеиные Сны. Книга Первая. Фалес Милетский

«Автор»
2025

Равиц Я. Р.

Змеиные Сны. Книга Первая. Фалес Милетский / Я. Р. Равиц — «Автор», 2025 — (Змеиные Сны)

Цикл «Змеиные сны»Среди древних городов и забытых храмов, под шум рынков и шёпот звёзд, разыгрывается диалог человечества с вечностью. Змей задал вопрос, на который нет готового ответа. И чтобы найти его, путники отправляются от Милета до Фив, от Вавилона до Персеполя, от философских школ до храмов огня и теней Дуата.Каждая встреча — это шаг в глубь тайны. Каждая сделка, каждая трапеза, каждый сон открывает новую грань истины. Но ответ требует осторожности, потому что может оказаться опаснее самой загадки._____Книга первая — «Фалес Милетский»Милет. Торговля и философия. Здесь, среди колонн и рынков, прозвучит загадка Змея. Здесь начнётся путь, который приведёт героев к самым древним тайнам человечества.

© Равиц Я. Р., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Шварценблюм 7
Прыжок 9
Финикийский Корабль 10
Тель Шикмона 13
Завтра в Путь 19
Ночь Волшебства 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Яков Равиц
Змеиные Сны. Книга Первая. Фалес Милетский

Пролог

Вы когда-нибудь медитировали на берегу моря?

Ты очищаешь свой ум от всех мыслей, чтобы остаться только с самим собой. Но мысли упрямо стараются пролезть обратно через любую случайно открывшуюся брешь. Тогда ты начинаешь следить за пенным прибоем, мерно ударяющим в берег. Наблюдать можно не думая, нужно просто смотреть, как он надвигается, поглощая песок, а потом, потеряв свою силу, откатывается назад. Постепенно прибой смывает все твои мысли, и ты превращаешься в сосуд, шипящий звуком морских волн, их дыхание становится твоим дыханием, а их вечное возвращение - твоим возвращением, по сути, ты становишься прибоем, но всегда, даже когда смывается последняя мысль, что-то от тебя все еще остается, и это что-то, по-видимому, и есть твоё «я».

Странная вещь этот прибой, он одновременно и изменчив, и неизменен, и ни одна волна не повторяет предыдущую, вода накатывает на берег, а берег упрямо возвращает ее назад. Волна отдает свою энергию берегу и исчезает, но за ней приходит новая, полная силы, и снова атакует берег, но также точно уходит в небытие.

Волны бывают разные, некоторые плавно накатывают на берег и, достигнув своего предела, на миг останавливаются и так же тихо уходят. Есть и такие, что накатывают со всей мощи и, затопив гладкое пространство, омытое предыдущими волнами, идут дальше, поглощая шероховатый сухой песок, но и они исчезают, оставляя после себя лишь высыхающую полоску мокрого берега. Бывает, что волна грозно идет издалека, поблескивая полупрозрачной стеной зеленой воды и пенной верхушкой, но, обрушившись на берег, неожиданно спотыкается сама о себя или о свою предшественницу и, породив бессмысленный пенный хаос, в гневе исчезает в водоворотах.

Да, многое повидал этот берег…

Волны рождаются где-то там, в просторах моря, набирают силу, а здесь, у берега, находят свой конец, возможно, они даже видят в этом и смысл и предназначение. А может и нет никакого смысла, а есть только вечное повторение. Я, наблюдающий со стороны, не могу их понять. Не могу понять, что за всем этим стоит, кто здесь прав, кто неправ, кто обманут?

Ох уж этот смысл! Мы, люди, без него не можем и ищем его всегда и везде. Не все конечно, некоторые его уже знают с рождения, хотя и их жизнь часто обламывает, чтобы не зазнавались. А те, что, все еще, не знают, называют себя философами и продолжают искать.

Странная это вещь, философия, практической пользы от неё вроде бы никакой, и всё-таки люди не прекращают думать о бесполезном. Возможно, всё это неспроста. Есть какая-то странная связь: когда цивилизация идёт к своей вершине, философия оказывается в почёте. А может, наоборот — пока люди способны думать о вечном, цивилизация куда-то идет. А когда люди заняты сиюминутным, мудрость переходит к торговцам, затем к воинам, и мир начинает быстро рушиться.

Возьмём, к примеру, Элладу. Александр Македонский был учеником Аристотеля. Один завоевал почти весь мир, другой сидел и рассуждал о вещах, от которых, казалось бы, никому не было никакой пользы. А что осталось от каждого? От Аристотеля — вопросы, которые люди

обсуждают уже две с половиной тысячи лет. А от империи Александра — ветер, песок, кости и стёртые с лица земли города.

Забавно получается: завоевать мир оказалось куда менее надёжным способом остаться в нём, чем думать о бесполезном.

В веке и в месте, в котором я родился, с философией вообще творилось что-то неладное. Проповедовали ее жуликоватые типы в кепках с наганами на боку. Медитации они не практиковали, а вместо этого занимались в основном решением вопросов справедливости, и наган был в этой задаче основным инструментом обоснования истины. В наше время правителям уже не до философии, все надо успеть урвать за четыре года, где уж тут думать о вечном.

Помню когда-то в молодости, когда учился я в институте, ходили мы после учебы в пивную и там вели умные беседы. Зашла как-то раз речь о смысле жизни и оказалось, что у каждого он был свой. Высказался и я, что смысл в том, чтобы получить от нее как можно больше кайфа. Мой собеседник задумчиво прошел взглядом сквозь меня, заглянул куда-то очень далеко, увидел там что-то, что ему очень не понравилось, помолчал и ответил, - «те, кто действительно так живут, заканчивают жизнь в наркологии». Я ведь до того думал, что все про смыслы уже понял, а он окатил меня вот таким холодным душем.

Что же все-таки с этим смыслом жизни, почему с ним всегда так трудно. Думаешь нашел, а он уже ускользнул.

Каждая волна не видит общей картины прибоя, ее жизнь сначала размеренна, а потом неожиданно заканчивается в столкновении с берегом, которое она, наверное, переживает либо как катастрофу, либо как вызов, брошенный ей Миром, а вот вода, наверное, она помнит все?

Кто-то из древних считал воду основой Мира, кто же это был? Ах да, его звали Фалес. Фалес из Милета, кстати это был не просто кто-то, а первый из философов, в те времена их называли мудрецами. Любопытно, почему же он взял за основу Мира воду, а не берег, или скажем того, кто сидит, подобно мне, и смотрит на прибой. И ведь не осталось ничего, что было им написано, только короткие отрывки более поздних цитат. Говорят, умный был человек, придумал доказательства в геометрии, мы в школе проходили теорему, названную его именем, и вот, тоже стал гадать о смысле и о том, что же лежит в основе Мира.

Я, когда впервые услышал об его теории про воду, решил, что это глупость, ведь люди тогда были темные и ничего не знали. Всем известно, что вода — это окисел водорода, или, проще говоря, сгоревший водород. Формула её — HO. А если мир состоит из 103 элементов, то два из них никак не могут лежать в его основе. Две части из ста трёх — это не целое!

Но теперь это уже видится мне по-другому. Несомненно, он искал не химическую формулу воды, и не что из чего состоит, а начало, лежащее в основе бытия, и это совсем другое дело. Сплавать бы в Милет, спросить, только как, преодолеть расстояние тут будет недостаточно, прошло столько лет!

Даже не знаю, какая из волн разбудила все эти мысли и толкнула меня в то немыслимое путешествие, что привело в Тель-Шикмону на финикийский корабль, отплывающий в Элладу. Теперь же, вернувшись, я пытаюсь, как могу, рассказать обо всем, что увидел и услышал, в этой книге.

Шварценблюм

— Прошло столько лет, говоришь? — раздался рядом тихий задумчивый голос. Я вздрогнул, ведь только что я был совершенно один на берегу. Передо мной стоял странный человек, одетый в длинную мантию черного цвета, свисавшую до земли, и странный блеск исходил от золотой пряжки на поясе. Лицо было укрыто тенью капюшона, но глаза сверкали, словно две голубые звезды, устремленные на меня.

— Волны рассказали мне о твоем желании, — наконец произнес он. Ты хочешь задать вопросы Фалесу. Это не так уж и сложно, как ты думаешь.

Я молча смотрел на незнакомца, все еще не понимая, как реагировать. Затем я увидел, что над морем стоит уже не солнце, а ярко-желтая луна. Прибой стих, и светлая дорожка от луны к берегу почти застыла, слегка подрагивая от случайных всплесков.

Сколько я здесь просидел, целый вечер? Ничего не помню! Похоже я незаметно заснул.

Как этот тип узнал про Фалеса? Ведь я ничего не говорил. Хотя кто знает — может, задремал и бормотал что-то во сне? Сначала пришла мысль, что это шутка или чей-то розыгрыш. Или незнакомец и вправду оказался способен прочесть мои мысли.

— Кто вы? — спросил я в замешательстве.

— Шварценблюм, — ответил он дружелюбно. — в переводе с немецкого, моё имя означает «Черный Цветок». Я маг, иногда гуляю тут по берегу при полной луне. В паре миль от берега, на дне, вон в той стороне, покоится старое турецкое судно. В силу некоторых обстоятельств я к нему сильно привязан. Но это лирика, в данный момент важно то, что я могу тебе помочь. Ты выразил желание встретиться с мудрецом?

— Но ведь Фалес умер две с половиной тысячи лет назад! — возразил я, как же мы сможем с ним встретиться. Ты предлагаешь отправиться в мир мертвых или вернуться во времени, насколько я знаю, это невозможно?

— Во времени есть так называемые перекрестки, то есть моменты выбора, любой выбор есть точка соединения порядка и хаоса, в которой текучее время настоящего застывает в кристаллы прошлого. Хаос - есть область, где порядок лишь незваный гость, в нем, нам дозволено то, что порядок не любит, в том числе и прыжок в прошлое.

Ваши ученые, несомненно, правы, во времени действительно нельзя двигаться вспять. Но ведь они ничего не знают о самой природе движения, еще меньше они знают о природе хаоса. Иногда не нужно ломиться в запертую дверь, если открыта форточка.

Тебе повезло, потому что я умею входить в хаос и путь на перекрестки мне открыт. Более того, я знаю несколько перекрестков, которые вполне подойдут для визита в Милет при жизни Фалеса.

Шварценблюм не рассеивался в ночи, и что-то внутри меня упорно подсказывало, что происходящее, реально. Прикосновение к чудесному иногда происходило в моей жизни в виде цепочек странных совпадений, но вот так, напрямую и открыто, чудеса обычно не случались. Люди рассказывают разное, но проверить их рассказы невозможно.

Опасаться? Да, это нужно всегда. Но если я действительно спал, он мог сделать со мной всё что угодно ещё до того, как я проснулся. А если не спал — тем лучше: вот вам и доказательство, что он действительно маг.

Предположим, что всё это правда. Тогда дураку понятно, что затея крайне опасна. Он пока ничего не сказал про возвращение. Что будет с привычной жизнью, работой, ипотекой? Дойдя до ипотеки, я улыбнулся — гори оно синим пламенем.

И тут я понял другое. Если сейчас скажу «нет», всю оставшуюся жизнь буду знать, что однажды дверь в чудо открылась — а я побоялся в неё войти.

— Ну что же, сказал я, похоже мне действительно сильно повезло, что ты оказался рядом. Я готов.

— Тогда идем, сказал Шварценблюм, Я уже выбрал «перекресток», это 28 мая 585 года до рождества Христова, это день, когда Фалес предсказал солнечное затмение и тем поверг в шок своих соотечественников. Некоторые называют это время осевым. Прошел год с тех пор, как Иерусалим был сожжен и разрушен, и теперь он лежит в груде развалин и пепла, а жителей либо убили, либо угнали в Вавилон, но над Шикмоной сегодня будет прекрасное, безоблачное, почти летнее утро.

Шикмона очень близко, полчаса прогулки вдоль берега, и мы отправимся в Милет на надежном финикийском судне. В бухте уже стоит нужное нам судно, готовящееся к дальнему переходу, завтра оно оправляется в Милет. Думаю, за пару золотых монет мы с капитаном договоримся. Посмотри-ка, как все у нас сходится.

Через двадцать минут ходьбы песчаный пляж Бат-Галим остался далеко позади, и за зданием института моря перед нами открылись занесенные землей и песком следы древнего города. Ближайший из холмов был срезан раскопками, открывавшими прямоугольники стен, центральный зал, комнаты поменьше – наверное личные спальни, еще меньше, возможно, ванные или хранилища.

— Слушай, сказал Шварценблюм, я ведь застал тебя за медитацией, возможно, ты бы мог немного облегчить мне задачу, если не хочешь, чтобы мне пришлось тащить тебя как бревно. — конечно, говори, что делать. — открой руки и впитывай энергию ветра, — прекрасно, знаешь, где находится третий глаз. — да, ответил я, это приблизительно в районе лба. — сосредоточься на третьем глазе. — теперь сдвинь внимание на макушку. — а теперь... сдвинь внимание еще выше. — прекрасно, дай руку — пошли!!!

Прыжок

Ещё мгновение назад передо мной был холм, из-под которого виднелись занесённые песком и землей камни. Теперь, на том же самом месте, стоял дом, в окнах которого колыхался мягкий свет. Улица уходила налево, к центру города.

С восточной стороны небо уже начинало светлеть, и на фоне намечающейся зари четко выделялись пятнышки двух маленьких облаков. Ветер с моря колыхал весеннюю траву, смешиваясь с ее запахом. По узкой улочке, вымощенным крупными камнями, тянулись каналы для дождевой воды. Они сходились к цитадели, которая возвышалась над городом, словно страж. а справа, в бухте, метрах в трехстах, мерно покачивались на волнах три корабля, два округлых и один длинный и остроносый.

Было еще очень рано, наверное, часов пять утра, но приморский городок уже просыпался. На порог дома вышел молодой мужчина, а за ним женщина, что-то ему сказавшая на певучем семитском диалекте с совсем небольшой, изящной, примесью гортанных звуков. Язык был чужой, но как будто знакомый, и я неожиданно выхватил два знакомых мне ивритских слова, «возьми» и «еда».

— Да, сказал Шварценблюм, местный язык тебе не совсем чужой, один из семитских диалектов, также как ханаанский и иврит. Немного привыкнешь — начнёшь понимать.

От невозможности происходящего стала кружиться голова. Инстинкт самосохранения грубо намекнул, что он против и требует немедленно вернуться в привычную обстановку, я сделал шаг назад, но это ничего не изменило.

— Этот что? — спросил я, глубоко вдохнув, — воздух далекой древности, две с половиной тысячи лет до моего рождения?

— Именно так, — ответил Шварценблюм. — но ты все еще находишься на перекрестке, теперь с него необходимо сойти. С Хаосом не играют в игры «хочу — не хочу». Здесь не стоят, сюда приходят сделать выбор. Врата времени уже схлопнулись, а ты, войдя в эту реальность, никак не можешь оставаться в своей. Таковы правила, если ты будешь здесь торчать, это всего лишь вопрос времени, когда оно заметит тебя и выкинет из реальности... насовсем. Чем дальше мы пойдем, тем глубже ты будешь погружаться в этот мир, а он — становиться твоим настоящим.

Я шагнул вперед.

— Улыбнись пошире, подбодрил Шварценблюм, нас ждет прекрасное морское путешествие, полное опасностей, в котором мы можем встретиться с бурями, пиратами и разгневанными Богами. Но не забывай, что ты путешествуешь с одним из лучших магов, так что пираты и бури это лишь немного экзотики, не гневи Богов, и все у нас будет в порядке.

— Если бы я знал, как их не гневить, — хмыкнул я. Там, где я вырос, с Богами была довольно мутная история. Их вроде не было вообще, но гневить их было также опасно, как и здесь, они были скоры на расправу.

— Боги есть везде, - задумчиво промолвил Шварценблюм. Не унывай, тебя ждет заслуженная награда, беседа с Фалесом, и поверь, самые знаменитые ученые охотно дали бы отрубить себе левую руку и ухо в придачу, чтобы оказаться на твоем месте. — Идем в бухту, нам нужен вон тот корабль, завтра он отплывает в Милет. Капитана зовут Матан, он уроженец Тира.

Финикийский Корабль

Мы подошли ближе к кораблям, и я почувствовал, как этот странный мир становится всё более реальным, а тот, из которого я прибыл, уходит в небытие. Древняя гавань Шикмоны просыпалась. Чуть поодаль, справа от кораблей, рыбаки тянули свои сети с ночным уловом, слышались крики чаек, и ветерок с моря наполнял воздух запахом рыбы.

Рядом с причалом покачивался на волнах длинный и узкий корабль с округлыми бортами и острым носом, изящно вырезанным как будто из цельного куска дерева. Нос украшала резная голова быка с медными рогами, отполированными до блеска руками матросов. В каждой детали чувствовалась рука мастера и долгий опыт мореплавания. Корабль был как бы слит с морем и со своим предназначением, он излучал ощущение надежности, продуманности и, несомненно, мог бы рассказать многое про ярость волн и ветра, у далеких и загадочных берегов Африки и Испании у Геркулесовых Столпов, а возможно и за ними.

— Это и есть корабль, на котором мы отправимся? — спросил я, внимательно разглядывая искусно вырезанные символы на его бортах.

— Да, это он, — кивнул Шварценблюм. — финикийцы не имеют себе равных в море. Этот корабль — лучшее что есть, его собратья спокойно выдерживают длительные путешествия вокруг Африканского континента. Все, что будет ходить по морям в ближайшую тысячу лет — лишь копии с небольшими вариациями.

Матан уже знает, что мы идем с ним. Но не забывай, что понятия в этом времени сильно отличаются от твоей эпохи, ты здесь чужой, и поэтому будь осторожен с тем, что говоришь. Каждая мелочь может тебя выдать, поэтому не болтай лишнего, они могут не понять тебя, или хуже того, они могут понять тебя неверно, первое время просто слушай.

Мы подошли к причалу, и нас встретил Матан, капитан корабля. Он был выше меня, с кожей, обожженной солнцем, густой бородой и внимательными черными глазами, полными спокойной уверенности. Кивнув нам, он на краткий миг скользнул взглядом по моему лицу, перевел взгляд на Шварценблюма и заговорил на певучем ханаанском, речь его была мне почти понятна.

— Ты знаешь правила, перс? — спросил он, глядя на Шварценблюма. — Плата заранее, и ты и твой друг — часть команды.

— Конечно, Матан. Мы справимся, кивнул Шварценблюм, доставая из складок своей мантии небольшую кожаную сумку и протягивая ему две золотые монетки.

— Золотые греческие статеры, уважительно произнес Матан, рассматривая золото, и сожалением отдавая его назад. Я люблю держать в руках греческое золото, но предпочту местное серебро. Тирские шекели, их охотно берут и здесь и в Египте, и у Израиля, и в Газе и не все сделки настолько крупны, чтобы пользоваться золотом, в обычной торговле лучше иметь серебро.

Чуть подумав, Шварценблюм извлек из кошелька 20 тирских серебряных монет и протянул Матану. Тот принял монеты и, наконец, пристально взглянул на меня внимательным пронизывающим взглядом. Он явно ожидал увидеть кого-то более привычного, и что-то в моем облике его смутило. Он кивнул, но продолжал изучать меня.

— Ты откуда? — спросил он наконец, переходя на грубоватый и отрывистый ивритский диалект.

Сказать ему правду, что я родился далеко на Востоке, за Ассирией, Эламом и Урарту в месте, которое через две с половиной тысячи лет будет называться Узбекистан, я явно не мог. Это было бы слишком необычно, и он стал бы закидывать меня вопросами, на которые я не знал ответов. Мельком взглянув на Шварценблюма, я начал рассказ.

—Мои предки из Галилеи, там же родился и я. Потом часть семьи вместе со мной перебралась на юг, в Шалем. Но в прошлом году туда пришёл Навуходоносор. Город взяли, Храм сожгли, многие погибли, других увели в Вавилон. Что стало с моей семьёй, я не знаю. Мне удалось выбраться, и в конце концов я снова оказался опять на севере, в Мегиддо

«Я слышал об этом, — Сказал Маттан со вздохом, — беды преследуют твой народ как стая злых волков. Впрочем, досталось всем, но мой родной Тир, хвала Баал-Шамему и Мелькарту, выстоял в осаде, продолжавшейся целых тринадцать лет. Навуходоносор обломал об него свои зубы и оставшись без них, не сможет кусаться. Значит, ты один из тех, кто поклоняется Яхве. Как твое имя?»

— Яков, ответил я.

— Итак Яков, золотом ты можешь заплатить за свое путешествие мне, но море и Боги не принимают золото в оплату за ветер. Все на этом корабле работают, и ты не исключение. В ночной вахте участвуют все, часть ночей ты будешь сидеть вместе с кем-нибудь из команды, кого я назначу в ночь, и составлять компанию, чтобы он не уснул. Если будет сильный ветер, ты будешь помогать подтягивать паруса. Если ветер стихнет — готовься к веслу. Все ясно?

— Да, ответил я, все ясно, капитан, нет проблем, я справлюсь.

— Далее, Яков, насколько я знаю сынов Израиля, ты должен молиться Яхве утром вечером и перед каждой едой, но если будешь так делать, то выбери для этого какое-нибудь укромное место. Мы не беспокоим Богов, Баал-Шамема, Мелькарта и Астарту по пустякам, во-первых, чтобы их не утомлять, а во-вторых, мы не хотим, чтобы они контролировали каждый наш шаг, поэтому ваше чрезмерное упорство и надоедливость в почитании своего Бога нам претит. Я думаю, что ваша жизнь не была бы столь насыщена несчастьями, если бы вы просто дали Богу отдохнуть от вас и подумать о чем-то кроме вашей назойливой любви, в том числе о вашем благе. Подумай, что было бы, если бы твой сын, по десять раз в день ложился бы у тебя на пути и просил благословения, ведь тогда, ты бы и шагу не смог сделать, не оттолкнув его. Эта прилипчивость, вместе с тем, что вы в порыве сыновьей любви не слишком почитаете наших Богов, может настроить против тебя членов команды.

— Перед отплытием мы принесем жертву Владыке Небес, Баал-Шамему, повелителю грома и дождя, потому что от его благосклонности зависит, насколько спокойным и удачным будет наше путешествие. Он даст нам ветер для парусов и защиту от шторма. Море ужасно и беспощадно в момент гнева. Если некому будет там за нас заступиться, то волны могут поглотить корабль в одно мгновение.

— Несомненно капитан, я понимаю твои сомнения, — сказал я, — ты совершенно прав, и я тут на твоей стороне, пусть на небе властвуют Боги, на корабле владыка ты, только ты сможешь вернуть нас на желанный берег, если море и Боги встанут против нас. Все твои команды будут исполнены, как веления неба. Мы всецело вручаем свою судьбу в твои руки. Я ни разу не обращусь к Яхве во все время пути, пока не сойду на берег. Если пожелаешь, я буду благословлять утро и каждую еду твоим именем.

— Нет, не стоит, добродушно ответил Матан с улыбкой и в глубине его черных глаз неожиданно промелькнул янтарно-коричневый отсвет, можешь продолжать докучать своему Богу, когда сойдем в Милете на берег.

— Ну что же, улыбаясь сказал мне Шварценблюм, когда Матан удалился, ты делаешь успехи и прекрасно выпутался из ситуации, особенно если учесть, что ты не знаешь и трех слов из «Биркат аохэль» и не отличишь «Шма Исраеэль» от «Шахарит». Хорошо, что Матану не пришло в голову тебя проверять.

— Но тебе предстоит еще одна возможность продемонстрировать свою находчивость. Помнишь, какой интересный сегодня день? день битвы Алиатта, царя Лидии и Астиага, царя Мидии, дедушки персидского царя Кира.

— Конечно. Сегодня битва мидян с лидийцами. Во время сражения начнётся затмение, обе армии решат, что боги требуют прекратить войну. В итоге Лидия и Мидия заключат мир, который будет скреплен браком между членами королевских домов. По древней легенде, Фалес предсказал именно это затмение.

— Не ожидал от тебя таких познаний, ты неплохо подготовился к встрече с Фалесом.

— Послушай, а когда это затмение начнется?

— Часа через три.

— Получается, что нам осталось жить три часа? Даже если мы принесем Яхве целого быка, это не поможет, насколько я понимаю природу явления, отменить затмение невозможно, не разрушив при этом Вселенную, а на такое Яхве из-за нас не пойдет. Когда начнется затмение, все будут в шоке, и капитан, и все без исключения члены команды непременно решат, что это гнев Баала. А чего это Баал решил гневаться? Ах да, мы же взяли на судно двух странных чужеземцев, перса и иудея, ну конечно же из-за них, а из-за кого еще? И не улыбайся, хоть ты и маг, тебя через три часа тоже поволокут на алтарь, чтобы задобрить Богов и смыть с себя вину. Нас обоих принесут в жертву Баалу!

— Получается так.

— Подожди, дай подумать, тут ясно одно, если не делать ничего, то все пойдет точно по описанному мной сценарию, надо как-то упредить ситуацию. Бежим! если мы сейчас же отправимся на Запад вдоль Горы Кармель, то за три часа мы успеем уйти достаточно далеко, мы пройдем 10-15 километров они нас уже не догонят.

— Хотя, возможно все это как-то преподать в выгодном свете, это рискованно, но надо подумать. Ладно, давай пока подготовим почву для благоприятного исхода, хотя всех последствий я просчитать не могу. Идем искать Матана.

Матан находился в трюме своего корабля, пытаясь компактно пристроить три новых тюка с товаром.

«Матан», —сказал я, «извини, что вновь тебя потревожил, но есть одна вещь, которая не дает мне покоя и я бы хотел с тобой поделиться. Этой ночью мне снился очень странный сон, который меня взволновал. Во сне мне явился Яхве и сказал, что не пройдет и дня, как я от него отрекусь и за это он накажет меня, скрыв Солнце с небес, но так как я стремлюсь к мудрости, он меня простит, и в знак прощения вернет Солнце на небосвод и будет способствовать нам в пути. Так что, если вдруг что-нибудь случится с Солнцем, не принимай это чересчур трагично, оно вернется на небосвод, и нам обещано покровительство.»

— Матан нахмурился, - ты слишком впечатлителен и многословен, твои сны являются плодом переживаний перед далеким морским путешествием, так что впредь не беспокой меня по пустякам. У меня есть важные дела, дай мне ими заниматься, если ты мне понадобишься, я сам тебя найду.

— Прости капитан. — сказал я, — по-видимому, этот сон лишь отражение моих страхов, до конца дня мы сможем этом убедиться. Я лишь хотел предупредить, если произойдет что-то необычное. К полудню я принесу и свою жертву для Баал-Шамема, — затем я повернулся, и, не дав ему опомниться, вышел.

— Он, конечно, будет думать, что я сумасшедший, пока не начнет гаснуть Солнце. Посмотрим тогда, как они тогда запрыгают. Пошли, погуляем по городу.

— Неплохо, сказал Шварценблюм, но знай, когда ты станешь пророком, у тебя не будет отбоя от просьб, так что не повышай ставки, потом будет трудно спускаться обратно на землю. Пойдем, погуляем по городу, прелюбопытное место, колония города Тир, занимаются здесь в основном торговлей и немного производством пурпура, пойдем, посмотрим местный базар.

«Знаешь, — сказал я, — тогда мне хотелось бы прикупить немного знаменитой пурпурной ткани, которой славится Финикия. Продадим ее в Милете, чтобы у меня был такой же кошелек как у тебя, и в нем звенело серебро и золото. Одолжишь мне немного на стартап?»

Тель Шикмона

Пыльная, поросшая свежей весенней травой дорога вела прямо к рынку Шикмоны. Рынок оживал под лучами поднимающегося над горизонтом солнца. Лавки из грубо сколоченных досок были усыпаны товарами: горками сушеной рыбы, сверкающими бронзовыми украшениями и амфорами, пахнувшими вином и маслом. Продавцы кричали, зазывая покупателей, и на их голоса накладывался гомон толпы. Рядом кто-то спорил с торговцем, пытаясь сбить цену на дюжину голубей в плетеной клетке. У одной из лавок, в лучах утреннего света переливались пурпуром знаменитые финикийские ткани. Мы подошли к прилавку, и я пощупал грубоватую ткань.

— Это лучший финикийский пурпур, господин. В Элладе один такой отрез может сделать тебя богатым.

— Сколько за один?

— Всего двадцать тирских шекелей, господин. Я сошел с ума, если предлагаю такую цену.

— Шварценблюм, шепнул я, сколько в Греции может стоить такой отрез.

— В переводе на тирское серебро шекелей пятьдесят-шестьдесят.

—Можешь одолжить мне пожалуйста 60 тирских шекелей, я отдам тебе 80, когда продам товар в Милете.

— В тебе чувствуется деловая хватка, Яков – улыбнулся Шварценблюм. – время, из которого мы только что ушли неудобно для одиночек, весь мир поделен между корпорациями, но здесь возможно все, смелый и решительный человек может преуспеть. Если решишь остаться, разбогатеешь, купишь собственный корабль, будешь возить с Кипра медь, из туманных северных островов олово, в Египет железо и бронзу, а обратно пшеницу. И если избежишь столкновений с пиратами и тебя не пустят на корм рыбам, купишь здесь большой дом, а в него дюжину нубийских рабынь, будешь кататься как сыр в шоколадном масле. Но мне все-же следует тебя кое чему научить, это не супермаркет, здесь не принято брать товар без торговли.

— Двадцать шекелей? Это слишком много. Говорят, в Карфагене такие ткани стоят вдвое дешевле.

— В Карфагене, может, и дешевле, сказал продавец, хитро улыбнувшись, но пока ты доберешься туда, и твой кошелек, и твои силы будут на исходе. У меня — лучший пурпур Шикмоны. Но раз уж ты так настойчив, давай 18 шекелей.

— Ну что же, это просто наглядный пример, не жадничай, Яков, бери. В Греции за это заплатят втрое больше.

Сделка состоялась, и на моем плече оказался сверток из трех отрезов пурпурной ткани.

Мы двинулись дальше, углубляясь в оживленный рынок и оглядывая разноцветные шатры, в которых торговцы продавали самые диковинные вещи. Стройная женщина с глиняным кувшином на плече медленно проходила мимо, а за ней торопился мальчик, неся корзину, полную фруктов. На соседнем прилавке горкой лежали бронзовые браслеты и серебряные кольца, сияя в лучах солнца. Рядом стоял кузнец с мощными руками, покрытыми копотью, что-то объясняющий покупателю.

Мы подошли к другому прилавку, где в корзинах лежали груды гранатов, винограда, сушёного инжира, фиников и миндаля. Продавец в широкополой шляпе энергично предлагал свой товар.

— Гранаты! Самые сочные! Попробуй, господин! Или, может, сушёный инжир?

Шварценблюм протянул руку и взял виноградину. Он съел её с явным удовольствием и тихо заметил: — Спелый! пахнет солнцем.

Шварценблюм с удовольствием втянул в себя воздух. «Лаванда для ритуалов», —произнес он с улыбкой, или для того, чтобы радовать глаз. Боги любят красоту. Посмотри на вон тот прилавок, похоже там есть кое-что, что нам нужно, ты же не забыл о жертве для Баала.

У стойки стоял пожилой торговец с добрым лицом. Рядом в плетеных клетках сидели голуби, а на полках были разложены дюжины кувшинов с вином.

— Мне нужно принести жертву Баал-Шамему перед дальним морским путешествием, - сказал я, обращаясь к торговцу на иврите. Что посоветуете?

— Баал-Шамем любит дары, которые пахнут потом и трудом. Голубь — хороший выбор для обычного жертвоприношения. Если хочешь задобрить его больше — возьми кувшин вина.

«Что скажешь», —спросил Яков, обращаясь к Шварценблюму, что они обычно приносят в жертву?

— Быков, козлов, овец... Но вряд ли тебе стоит тратиться на такое. — Возьми голубя, Яков — этого будет достаточно, чтобы не привлечь лишнего внимания. Баал оценит символику, а твой кошелек — экономию.

— Хорошо. Возьму голубя, сколько с меня, - спросил я, обращаясь к торговцу

— Две серебряные монеты за голубя, господин. Хороший выбор. Баал-Шамем услышит твою просьбу, придержит бурю и отведет пиратов.

— Два тирских шекеля за голубя, тебе не кажется, что это безумно дорого? мы сейчас за 18 шекелей купили рулон пурпурной ткани.

— Это недоразумение господин, я имел в виду две монетки греческого серебра, два статера. Ты просто меня неправильно понял, за тирский шекель я продал бы целую дюжину.

— Я протянул две маленькие серебряные монетки, поданные мне Шварценблюмом, а торговец в свою очередь вытащил голубя из клетки, ловко обрезал ему перья на крыльях, перевязал ножки и отдал мне.

— Мне претит жестокость и убийство, но, к сожалению, этот голубь должен умереть, чтобы даровать мне жизнь, - сказал я, обращаясь к Шварценблюму. А что будет с голубем, его не убьют с особой жестокостью?

— Нет, господин, — ответил за Шварценблюма торговец. Ты, наверное, из далеких мест и не знаешь местных обычаев. Голубя принесут на алтарь, обнажат нож, и одним быстрым движением обезглавят. Кровь должна пролиться на камень, пролитие крови завершает договор и, если Баал принял жертву, договор уже не имеет обратного хода и должен быть исполнен, Боги не умеют лгать.

— А что будет с его мясом?

— Иногда жрецы забирают мясо, чтобы разделить с участниками ритуала. Но если жертва мала, как голубь, её сжигают целиком. Так наше подношение Баал-Шамему поднимается вместе с дымом к небу.

— Видишь, Яков, — сказал Шварценблюм. — Мясо нужно тебе, но не Богам. Им достаётся другое — вера, страх и надежда того, кто приносит жертву.

Когда мы отошли от прилавка, я оглянулся на голубя.

— Всё равно несправедливо. Почему он должен умереть ради того, чтобы я благополучно доплыл до Милета?

— А разве в твоём мире всё устроено иначе?

Я задумался.

— Пожалуй, нет. Смерть одного становится жизнью другого — так было до нас и, наверное, будет после. Нам просто рекомендуют не смотреть на страдания. Покупаем мясо уже разделанным и стараемся не думать о том, что кто-то до этого убил животное. Разница в том, что здесь кровь проливают у тебя на глазах, а в моём мире предпочитают, чтобы это происходило где-нибудь за стеной.

Но у этого есть и цена, когда не видишь чужой боли, она становится совершенно невесомой. Мы стали безразличны к Миру, но вопрос – безразличен ли он к нам.

Мы вышли из людной части рынка, и запах жареного мяса стал всё сильнее манить нас вперед. На углу стояла простая лавка, рядом с которой находились глиняные жаровни, от них поднимался дым, смешанный с ароматами шашлыка, свежего хлеба и специй. Над жаровнями стоял мужчина средних лет с тёмной кожей и короткой бородой. Его лицо светилось от жара и работы, а руки ловко управлялись с ножом и деревянной ложкой.

— Ты это чувствуешь? — спросил Шварценблюм, втягивая носом воздух. — Это лучшее приглашение на обед. Идём.

Мы подошли к прилавку, где были разложены миски с мелко нарезанным мясом, пропитанным специями, куски хлеба, и амфоры с вином.

— Что угодно, господа? — спросил хозяин заведения, приветливо взглянув на нас, но тут же вернулся к своему делу, переворачивая мясо на горячем камне.

— У нас есть тушёная козлятина с травами, жареное мясо ягненка, жареная рыба, свежий хлеб.

Я посмотрел на жаровню: на камне, посыпанном крупной солью, шкворчали кусочки мяса, покрытые золотистой корочкой. Вокруг мяса лежали пучки каких-то трав — их аромат пробуждал аппетит.

— Возьмем немного всего, Яков, — предложил Шварценблюм, вытаскивая монеты из своей кожаной сумки. — Нам нужно подкрепиться.

— Сколько стоит? — спросил я.

— Хлеб — половина статера, порция козлятины — два статера, а за рыбу возьму один, — ответил торговец, добавляя свежий хлеб в корзину. — Если возьмёте ещё кувшин вина, отдам его за полтора.

Шварценблюм усмехнулся: — Всё это за пять статеров? Не слишком ли много?

Торговец, не отрываясь от жаровни, поднял глаза: — «свежее мясо мне привозят из Галилеи, угли для очага с горы Кармель, лавровый лист прибыл из Греции, а вино из Иудеи, все наивысшего качества. Должен же кто-то соединить это все в прекрасное блюдо и при этом заработать хотя бы серебряную монету».

Мы рассмеялись, и Шварценблюм кивнул: — Хорошо, давай. Пусть Баал благословит твой очаг.

Торговец с улыбкой быстро уложил куски мяса, свежий хлеб и рыбу в простые глиняные миски, а затем достал небольшой кувшин с красным вином и две глиняные кружки, поставив их перед нами.

— Кушайте на здоровье, господа. Уверен, что ваши ноги снова приведут вас ко мне, если снова будете в Шикмоне.

— Ешь, Яков, — сказал Шварценблюм, разламывая кусок хлеба. — Мы с тобой отправляемся в Милет, а для этого нужны силы. Этот Мир создан для того, чтобы мы научились наслаждаться такими простыми радостями жизни, как еда.

Я попробовал козлятину — она оказалась нежной, с легкой кислинкой от специй. Вино было терпким, но прекрасно дополняло блюдо.

— Если Баал так любит жертвы, как говорит наш торговец, то, наверное, он бы оценил и это? — сказал я, наливая в кружку темно-красное вино.

— Вполне возможно, — отозвался Шварценблюм. — Но тогда мы останемся голодными. Богам своё, а смертным — своё.

Мы приступили к еде, жадно откусывая большие куски хорошо выпеченного хлеба. Временами мы поливали еду соусом, пахнущим кориандром и лавровым листом, и запивали все это кисловатым вином. Лето было еще в самом начале, и воздух с моря был свеж и приятен, и колыхал высокую зеленую траву.

Слева от нас расположилась семья: мужчина с загорелым лицом, изрезанным глубокими морщинами, его жена и двое детей. Они делились куском хлеба и плоской миской с тушёной рыбой. Мальчик лет восьми жадно уплетал рыбу, а его младшая сестра сидела, рядом, нахохлившись и отказывалась от еды.

Отец, поглаживая девочку по голове, тихо сказал: — Ешь, маленькая. Баал услышит нашу молитву, и ты снова будешь бегать по полям. Помнишь, как мы собирали гранаты прошлой осенью?

Отец поднял кусочек рыбы и поднёс его к губам девочки: — Вот, только маленький кусочек, чтобы Баал знал, что ты готова выздоравливать.

Девочка посмотрела на отца с тревогой и, наконец, осторожно взяла рыбу. Отец улыбнулся, словно впервые за долгое время увидел проблеск надежды. Мальчик кивнул и попытался передать сестре кусочек хлеба, но она лишь крепче прижалась к отцу.

— Папа, а Баал услышит нашу просьбу? — спросил мальчик, указывая на голубя в клетке рядом.

— Конечно, услышит, — ответил мужчина, устало улыбаясь. — Мы принесём жертву, и твоя сестричка снова будет здорова, будет с тобой играть и бегать наперегонки.

Отец, пытаясь скрыть усталость, снова погладил дочь по голове: — Баал всегда слышит детей. Тебе нужно только немного терпения.

Девочка посмотрела на голубя в клетке, её глаза наполнились надеждой.

Скажи, спросил я Шварценблюма, — почему все сделано так, ну как бы сказать, негармонично. Неужели Творец был настолько плохим инженером? Как-то не очень приятно быть в роли подопытных кроликов.

— В мире нет ничего совершенного, Яков, — сказал Шварценблюм, разламывая кусок хлеба. — Творец – это идеализация, боги и силы обычно не могут договориться между собой. Представь, что они строили этот мир, как люди строят дома: кто-то спешил закончить класть полы, понадеялся на того, кто будет шпаклевать стену и оставил кусочек недоделанным, кто-то решил, что уголок окна можно оставить кривым, а кто-то просто устал. Вот и имеем: на одной чаше весов гранаты и инжир, на другой — голод, болезни и бедствия.

— По сути твои слова надо понимать так, что не было никакого единого Творца. Тогда почему именно сейчас теории единства растут как грибы после дождя? Иудеи говорят об одном Боге, Фалес ищет единую стихию, следом Пифагор попробует объяснить мир числом. Получается, они ищут то, чего нет?

Фалес, которому мы направляемся в поиске мудрости, считает, что стихия воды порождает все что есть во всем его разнообразии.

— В этом мы с ним расходимся, — ответил Шварценблюм. — Поверь специалисту по стихиям: одной воды для устройства мира будет маловато. Само наше путешествие стало возможным благодаря моим познаниям в области Хаоса.

Вспомни свою медитацию на берегу моря, каждая волна в чем-то отличается от всех остальных, как единое может объяснить эти различия? Никак! Я же вижу мир как мозаичное полотно, созданное из множества красок, где каждая краска борется за своё место.

Если бы Творец был бы един и всесилен, как утверждают твои соотечественники, то Мир был бы целен и непротиворечив. Если Творец по природе своей добр, то и Мир был бы добрым, если Зол, то и Мир был бы злым. Но Мир не таков. В нём всё перемешано: красота и уродство, милосердие и жестокость, жизнь и смерть.

— Давай добавим к воде Хаос, — парировал я. —, тогда Фалес мог бы сказать, что вся эта сложность — лишь рябь Хаоса на поверхности воды, что творит мир и держит его в гармонии.

Ты прав, Яков, — согласился Шварценблюм, — Хаос это одна из творящих сил мироздания, но даже Хаос не может объяснить всего. Мир — это не застывший монолит, а огромное полотно, на котором каждый оставляет свой отпечаток. Мы не просто смотрим на него,

мы — часть этого рисунка, хотим мы того или нет, часть рисунка, обладающая собственной свободной волей.

— Далеко не факт, что силам тонкого мира так уж безразлично то, что люди о них думают. В последнее время благодаря технологиям вы сами превращаетесь в реальную силу, так что можете принять участие в работе, беритесь за мастерок и шпаклюйте те места, которые вам видятся недоработанными.

— Но откуда мы знаем, что шпаклюем трещину, а не замазываем окно?

Мне это напоминает забавную гипотезу, не помню только, где я ее читал. Вкратце ее смысл таков, говорят, что раньше уголь был не под землей, а в атмосфере, и климат был теплым, но постепенно зеленые растения этот уголь съели и, умирая, унесли с собой под землю. Климат стал холодным, а с Севера начали наползать льды.

И тогда Боги, чтобы вернуть равновесие, создали человека и дали ему огонь. И всякий, кто сжигает уголь, угождает Богам. А те, кто выдумывает «зелёные технологии», вызывают на себя их гнев, искренне не понимая, чем они провинились.

— Да, — ответил Шварценблюм. — Мало хотеть правильных мыслей и правильных дел. Иногда надо знать.

На рыночной площади что-то происходило, у каменного постамента стала собираться толпа. Два коренастых стражника с копьями и мечами у пояса привели какого-то человека со связанными руками, а двое других принесли и поставили на землю три стула, на которых тут же воссели старейшины в белых туниках.

«Ты обвиняешься в краже мешка зерна из лавки Ахирама, — сказал один из старейшин, сидевший на правом стуле — Что скажешь в свое оправдание?»

— Я голодал, господин! — произнес человек со связанными руками, — У меня трое детей, и им нечего есть!

— Он вор! Если не наказать его, завтра все будут воровать! — выкрикнул человек, стоящий по другую сторону от старейшин, по-видимому, тот самый торговец, у которого и был украден мешок зерна.

— Тише. Мы вынесем решение. — громко и властно осадил толпу другой старейшина с суровым обветренным лицом, сидевший слева.

Толпа замерла, ожидая вердикта. После короткого совещания, старейшина, сидевший в центре, обвёл толпу тяжёлым взглядом. медленно поднявшись, произнес: — Пусть он вернет украденное зерно. А чтобы понести наказание, он будет работать на лавку Ахирама в течение трех дней. Его морщины, будто вырезанные солнцем, ветром и временем в каменной скале, говорили больше любых слов: голос его зазвучал как сталь.

Толпа начала гудеть. Одни кивали, соглашаясь с решением, другие возмущённо шептались:

— Три дня? Он заслуживает большего! Если бы меня так судили, я бы каждый день крал. Работать всего три дня? Да это подарок!

Женщина в простом платье подняла руки к небу: — Пусть Баал смилостивится! Это несправедливо! У него трое детей!

— А если я украду у тебя, — перебил её мужчина в плаще, — ты скажешь то же самое?

— Ахирам очень богат, а это всего лишь мешок зерна.

Шварценблюм улыбнулся: — Видишь, Яков, как трудно угодить всем. — Вот тебе и единое. Один мешок зерна, один поступок, а справедливостей уже четыре. Нелегко быть судьей, а хорошим судьей во сто раз труднее.

Шварценблюм встал, стряхнул крошки с одежды и сказал: — Пойдем, Яков, задав вопрос о едином, мы приобщились к величайшей мудрости. Давай пока удовольствуемся этим и пойдем к кораблю. Небо уже готовится к неотвратимому. Скоро начнется затмение, мир погру-

зится в тени, и каждый решит для себя, что это: гнев богов или их благословение. Принесем же в жертву Баалу нашего голубя и будем надеяться на его милость.

Завтра в Путь

Подойдя к причалу, мы обнаружили, что корабль уже готовят к выходу в море. Парус на мачте уже были поднят, и его полотно слегка шевелились под слабым утренним бризом. На палубе суетились несколько матросов, проверяя крепления.

Ещё один матрос стоял у подножия мачты, внимательно осматривал ткань, и проверяя ее на свет, нет ли дыр или слабых мест. Затем, крикнув что-то на певучем местном диалекте, он поднял руку. Кто-то сверху ответил ему, и вскоре парус был опущен вниз. Они начали проверку швов, проводя пальцами по каждой строчке, словно читая тайный текст, вплетённый в ткань.

— Смотри, как он завязывает узлы, — тихо сказал Шварценблюм, указывая на моряка. — ты не способен себе представить, что происходит, когда в море налетает бешеный шторм и, неожиданно для себя, сталкивается с сопротивлением паруса. Один неправильно завязанный узел — и в бурю, парус, вместо того чтобы вести корабль вперед, начнет метаться из стороны в сторону, как разъяренный зверь и корабль станет неуправляем. Того, кто приблизится он может убить одним ударом или, дернувшись, разрезать веревкой до кости.

На причале уже стояли груды товаров, ожидая своего часа. Среди них выделялись амфоры, очевидно наполненные вином из Иудеи или Галилеи: их глиняные стенки были покрыты свежей смолой, которая источала терпкий запах. Рядом лежали плотные тюки, обёрнутые в ткань, с привязанными к ним палочками папируса. У края причала аккуратно сложили мешки с зерном, привезённым из плодородных долин Египта. На корзинах с финиками, привезёнными из Иудеи, сияло солнце, подчёркивая их медовый блеск.

Матросы принялись переносить грузы с берега на корабль. Двое из них принялись устанавливать толстую верёвку на деревянной лебёдке, а двое других, спустившись, начали обвязывать вторым концом веревки длинную продолговатую амфору, стоявшую недалеко от нас.

Шварценблюм, наблюдая за работой матросов, мягко коснулся моего плеча и кивнул в сторону лебёдки.

— Видишь, Яков, — начал он с привычной улыбкой наставника, —простейшая механика, древний, но какой эффективный механизм. Лебёдка использует принцип рычага и трения. Вращая барабан эти двое, теряют в скорости, но выигрывают в силе. Простейшая вещь, а позволяет двум людям делать работу пятерых.

Я узнал одного из матросов: утром он стоял рядом с Матаном, когда я рассказывал о своём сне. Услышав рассуждения Шварценблюма он обернулся и едко ухмыльнулся, обращаясь к своему старшему товарищу, - смотри, этот перс с другом иудеем, решили учить нас как грузить корабль.

— И зачем Матан вообще взял на борт этих чужаков?

Старший матрос, коренастый мужчина с серьёзным взглядом, покачал головой: — Оставь их в покое, Ашер. Они заплатили Матану за место на корабле, если он их взял, значит так надо, и они этого заслуживают.

Ашер хмыкнул и ничего не ответил, вернувшись к обвязке амфоры. Через некоторое время он встал и махнул двум матросам сверху, что стояли у лебедки и стали дружно тянуть веревку. Бугры мышц на их мускулистых телах заходили под потной кожей в такт ритму. Веревка было скользнула по бокам амфоры, но затем, сжавшись, плотно обхватила ее мертвой хваткой. Амфора с вином медленно поднялась и зависла над палубой, слегка покачиваясь, пока её осторожно не опустили на деревянные балки.

— Осторожнее, не разбейте! — крикнул Матан с палубы, нахмурив брови. Его голос звучал как раскат грома, подавляя шум суеты. — Если амфора треснет, я вычту из вашего жалования!

Работа спорилась, каждый матрос знал своё место: один направлял верёвки, другой аккуратно размещал груз в трюме, третий проверял, чтобы тяжелые мешки с зерном не давили на более хрупкие тюки с папирусом.

Причал кипел жизнью: торговцы пытались всучить ещё один товар капитану, дети бегали вдогонку вокруг бочек, а вдалеке женщины прощались со своими мужьями, которые готовились к отплытию. Крики чаек перекликались с гулом голосов и скрипом телег.

Матан спустился на причал и, обратив на нас внимание, кратко бросил:

— Вы прибыли вовремя, больше никуда не уходите, возможно корабль уйдет в море уже сегодня.

— Сегодня?

— Если закончим погрузку и ветер не переменится. Чего ждать?

Матан ушёл.

Я посмотрел на Шварценблюма.

— Мне это совсем не нравится.

— Что именно?

— Если затмение начнётся уже в море, нам будет некуда уйти.

— На причале тебе тоже будет некуда уйти, — спокойно заметил он.

— Если они решат нас зарезать, ты ведь можешь что-нибудь сделать?

— Разумеется.

— Тогда чего мы вообще боимся?

Шварценблюм посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— Яков, возможность решить проблему не означает, что решение тебе понравится. Я хочу попасть в Милет на этом корабле, а не оставить после себя легенду о персидском колдуне, который превратил команду Матана в стаю чаек.

— Ты умеешь превращать людей в чаек?

— Давай постараемся этого избежать.

К полудню последние амфоры исчезли в трюме. Матросы убрали верёвки и Матан приказал готовиться к жертвоприношению.

Я вдруг заметил, что свет изменился. Все вокруг стало тусклым, хотя туч на небе не было.

Я поднял голову.

На краю солнечного диска появилась чёрная выемка.

— Началось, — тихо сказал я.

— Молчи, — ответил Шварценблюм.

На причале собралась команда и несколько местных жителей, привлечённых предстоящим ритуалом. Матан, стоя в центре небольшой площадки рядом с алтарём из грубо обработанного камня, обратился к присутствующим:

— Баал, владыка небес и бурь, услышь нас! Даруй нам ветер, чтобы наши паруса наполнились, и дай нам спокойное море, чтобы оно привело нас обратно к нашим домам.

Матросы подхватили слова капитана, и их голоса слились в единый хор. Держа клетку с голубем, я шагнул вперёд и передал свою птицу Матану. Тот осторожно достал голубя, уверенно удержал его обеими руками. Птица несколько раз дёрнулась и затихла.

Между тем, затмение уже набирало силу, солнечный свет слабел посреди ясного дня, подуло прохладой и не замечать этого стало уже невозможно. Голоса ещё некоторое время повторяли молитву, но один за другим стали стихать. Кто-то первым поднял голову к небу, за ним другой. Через несколько мгновений хор распался совсем.

На причале повисло напряжённое молчание. Матросы, которые ещё минуту назад загружали последние амфоры, подняли головы к небу. Некоторые застыли на месте, будто бы парализованные увиденным.

— Что это? — раздался встревоженный голос одного из матросов. Солнечный свет постепенно становился всё более тусклым. Тень поползла по земле, погружая мир в тревожную полутьму. Несколько человек опустились на колени, шепча молитвы Баалу.

— Баал отвернулся, - выкрикнул кто-то.

— Нет. Это чужой бог, - выкрикнул Ашер. Иудей привёл его на наш корабль. Он все знал! Я сам слышал утром!

— Он сказал Матану, что его бог скроет Солнце!

Матан, стоящий у алтаря с голубем в руках, резко обернулся и посмотрел на небо, затем на меня. Он несколько секунд молчал, всё ещё удерживая голубя над алтарём.

— Это правда?

— Матан, я же говорил тебе утром, что Солнце вернётся.

— Ага, — торжествующе крикнул Ашер, Значит, это ты его вызвал!

— Это знамение, — пробормотал кто-то из матросов. — Баал гневается!

Обычно уверенное лицо Матана теперь отражало беспокойство. Он поднял руку, призывая к тишине.

— Утром ты сказал мне, что Солнце исчезнет и вернётся.

— Да.

— Ты уверен, что оно вернётся?

— Совершенно уверен.

Матан несколько мгновений смотрел мне в глаза.

Затем повернулся к команде.

— Солнце вернётся!

Гомон не стих.

— Тише! — прорычал он. — Жертва ещё не завершена!

Солнечный диск темнел всё сильнее. Свет стал холодным и серым.

Матан поднял глаза к небу и на мгновение замер, будто вслушиваясь в ответ, быстрым движением извлёк из пояса нож, поднял голубя выше и срезал ему горло одним движением. Короткий взмах — и птица замерла в его руках. Кровь упала на камень, растекаясь тёмным пятном по шероховатой поверхности и неожиданно налетевший сильный порыв ветра пронесся над причалом и прошелестел в листьях растущих неподалеку пальм.

— Прими нашу жертву, Баал-Шамем! — воскликнул Матан, воздевая руки. — мы доверяемся тебе и вручаем наши жизни в твои руки. Морской ветер усилился и захлопал в парусах, подтверждая, что просьба была услышана. Матан громко произнёс:

— Баал принял нашу жертву! Мы доверимся богам!

Через минуту с противоположной стороны начал все более выходить блестящий край солнца. Лёгкий ветер принёс ощущение движения, как будто время вновь пошло вперёд. Люди продолжали шептаться, но многие опустили головы, принимая объяснение. Матросы начали медленно возвращаться к работе, всё ещё бросая тревожные взгляды на небо.

Я стоял, переваривая происходящее и наблюдая, как матросы возвращались к своим делам, а Матан, закончив ритуал, обратился к нам:

— Сегодня уже никуда не идём. После такого знамения испытывать богов второй раз за день я не намерен. Завтра на рассвете мы выходим в море. Возвращайтесь на корабль, чтобы к утру быть на своём месте. Баал дарует нам попутный ветер, но нам нужно быть готовыми к тому, что он может испытать нашу стойкость. А тебе, Яков, придется мне кое-что объяснить, когда я найду вас сегодня вечером.

Шварценблюм мягко подтолкнул меня в сторону корабля: — Баал принял жертву, теперь он обязан выполнить свою часть договора, нас ждет Милет.

Вскоре злополучное солнце начало невинно клониться к горизонту, заливая море золотым светом и окрашивая закат в мягкие оттенки оранжевого и розового. Ветер становился про-

хладнее, обдувая паруса и принося с собой свежесть, смешанную с еще не окрепшим, весенним запахом моря.

Ночь Волшебства

На палубе все еще царила суета, хотя матросы работали теперь не так шумно, как днём. Один из них поднимался по мачте, проверяя, чтобы все канаты были правильно закреплены, другой, стоя у штурвала, осматривал горизонт, где уже начали мерцать первые звёзды.

Шварценблюм, прислонившись к перилам, задумчиво смотрел на медленно гаснущее небо. Его лицо, озарённое последними лучами заката, казалось умиротворённым.

— Видишь, Яков, — тихо сказал он, — время, когда день переходит в ночь, всегда наполнено тайной. Когда спадает слепящий свет солнца, утихает шум, и мир наполняется розовым и желтым, мы начинаем явственно чувствовать более тонкие силы, открывающие путь, к счастью, через покой и созерцание.

Полоса берега становилась все менее различимой, в прибрежных домах зажглись фонари, их мерцающий свет едва отражался на тёмной воде. Ночь окончательно вступала в свои права, а корабль постепенно забывал берег, прислушиваясь к плеску темных волн и вспоминая пути, ждущие его в бескрайних пространствах моря.

Над палубой вспыхнул свет факелов, которые матросы зажгли вдоль бортов и у мачт. Их слабое, колеблющееся пламя отбрасывало длинные тени на деревянные балки. Внизу, в трюме, слышался стук и глухие голоса — там закрепляли груз, чтобы он не сдвинулся во время плавания.

— Приготовься, — предупредил Шварценблюм. — Скоро придёт Матан. Этот человек не из тех, кто откажется от возможности разобраться в своих сомнениях.

Из капитанской каюты вышел Матан. На мгновение он замер, вслушиваясь в ритм моря и шёпот вечернего бриза, затем двинулся к борту и какое-то время смотрел на алый закат. Повернувшись, он пошёл к нам. Последние лучи солнца скользнули по его лицу, и тёмные глаза блеснули в свете факелов. Он шёл медленно, но уверенно, широко расставив ноги — привычка моряка, для которого даже качающаяся палуба кажется твёрдой землёй.

— Яков, Шварценблюм, — его голос был низким, но спокойным. — У меня есть вопросы, на которые я хочу услышать ответы. Я уже не думал, что меня можно чем-то удивить в этом мире, но ты это сделал. Поверь мне, сын Израиля, за свою жизнь я повидал многое, я плаваю по морям уже тридцать пять лет, я видел в холодных северных морях могучих животных размером в два корабля, испускающих фонтаны пара. Я плавал вокруг Африки и видел солнце, склоняющееся к Югу. Я был в царстве Амореев за Иорданом и видел там строения, созданные из камней, которые не под силу поднять и великанам в сто человеческих ростов. Я многое видел, но такое я вижу впервые.

— Я не имею в виду солнечное затмение, я тоже видел такое несколько раз, но я в первый раз вижу, чтобы кто-то знал о солнечном затмении заранее. Ты явно что-то от меня скрываешь, я ведь не маленький мальчик и умею чувствовать хитрость. Ты сказал мне про затмение только для того, чтобы обезопасить себя, чтобы я не принял его за гнев Баала.

Знаешь, что, забудь, все что говорил мне сегодня утром, можешь молиться своему сумасшедшему, извини, странному Богу, сколько захочешь и когда захочешь, кто я такой, чтобы вмешиваться в дела Богов. Но ты должен сказать мне, как ты узнал про затмение, иначе я умру от любопытства посреди моря, и никто из вас не вернется на берег.

— Что ему сказать, повернулся я к Шварценблюму.

— Скажи ему правду, этот лис издалека почует любую ложь.

— Но ведь эти знания могут быть несвоевременны. Как к этому отнесется Время?

— Объясни ему как сможешь. Сегодня за это еще не сжигают на костре.

— Хорошо

Во-первых, знай, что Земля, Луна и Солнце имеют форму шара, они как кожаные мячи, летящие в пространстве. Солнце огромно, Земля поменьше, Луна еще меньше, но она находится к Земле ближе, чем Солнце. Иногда она оказывается точно между нами и Солнцем. Тогда она закрывает его собой.

Это мы и наблюдали сегодня.

— Значит, сегодня Солнце скрыли не боги, а Луна?

— Да.

— Но я вижу Луну ночью. Где она была сегодня днём?

— Днём она никуда не исчезает. Просто солнечный свет настолько ярче, что чаще всего ты её не замечаешь. Ты ведь иногда видел Луну утром?

— Мы видим Луну и Солнце круглыми, — продолжил Матан. — это подтверждает сказанное тобой, потому что со стороны шар будет видеться как диск.

— именно так, поэтому тень, скрывающая от нас солнце всегда круглая, как и тень, скрывающая от нас луну.

Матан задумался, - мне очень трудно все это представить.

Чтобы ты не ушел разочарованным, — произнес Шварценблюм, — я, пожалуй, покажу тебе как это происходит, но при одном условии – ты не будешь выпытывать, откуда я это знаю, не пытайся взвесить услышанное на весах могущества и авторитета великих мира сего, просто вдумайся в смыслы и реши сам для себя, насколько они гармоничны. И еще, пообещай мне не удивляться тому, что увидишь.

Я согласен, — ответил Матан.

«Тогда идем в твою каюту, — сказал Шварценблюм, — в закрытом месте мне будет удобнее показать то, как все происходит, Когда мы прошли в жилище капитана и удобно уселись на лавках Шварценблюм провел рукой по пространству и в центре каюты возник огненный шар, размером с голову, на некотором расстоянии от него возник небольшой голубой шарик, размером с куриное яйцо, вращавшийся вокруг него, а вокруг голубого шарика вращался белый, еще меньше».

Маттан изумленно приподнял правую бровь, но быстро справился с собой и далее оставался спокойным, наблюдая равномерное круговое движение возникших перед ним шаров.

«Центральный огонь – это Солнце – сказал Шварценблюм, – голубой шарик – Земля, так как большая часть ее покрыта морями. Белый шарик, поменьше – Луна. Теперь смотри, — шары замедлили свое движение и в какой-то момент Луна медленно прошла между Солнцем и Землей, отбросив на нее явственную тень. – вот то, что происходило сегодня. Новое для тебя состоит в том, что никто не должен был вмешиваться в ход вещей, затмение произошло бы в любом случае само по себе. Просто потому, что таковы пути светил. Боги есть, но их проявления лежат гораздо глубже».

— Откуда тебе все это известно, — промолвил Матан.

— В городе Вавилон есть храм. Храм этот очень древний, он стоит там две тысячи лет и все это время жрецы храма наблюдают за небом и записывают увиденное. Это большой срок, они заметили, что некоторые явления повторяются, и научились предугадывать часть затмений. Я был в этом храме и приобщился к их мудрости.

— Значит, вавилонские жрецы заранее знают, когда случится затмение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.